

Глава 5. Пролог

Когда Лу Юньпин проснулся, за окном уже вовсю сияло утро. Он по-прежнему валялся на диване, но теперь был укрыт пуховым одеялом. На журнальном столике стоял стакан воды — плавающие в нём красные финики совсем размякли, отдав сок, и по краям лениво дрейфовали волокна мякоти. Юньпин отхлебнул: вода была тёплой, ароматной и приторно-сладкой.

Ли Хуэй вышел из кухни и тут же погнал его умываться. Лу Юньпину было как-то не по себе. Вчерашняя сцена всё ещё сидела в нём занозой, а для Ли Хуэя тучи будто уже рассеялись, и мир снова стал прежним. Это раздражало, но Юньпин так и не нашёл, что на это возразить.

Выйдя из ванной, он пару раз обошёл комнаты, но Ли Хуэя нигде не было. На кухне тоже пусто — на плите ничего не варилось.

— Ты где? — крикнул он. — А завтрак кто готовить будет?

Голос Ли Хуэя донёсся с балкона:

— Хочешь есть — сходи и купи. Заодно и мне возьми порцию.

— Твою мать, вообще-то я здесь гость!

Лу Юньпин толкнул балконную дверь. Ли Хуэй стоял, прислонившись к цветочному стеллажу, и курил. Стеллаж был самый простой — из тонких реек и проволоки. Внизу стоял огромный чан с землёй, из которого к зиме остались торчать лишь сухие пожелтевшие плети какого-то вьюнка. Он стоял, расслабленно прикрыв глаза, словно так и не проснулся. На душе у Лу Юньпина внезапно полегчало. Значит, тот тоже провёл паршивую ночь.

— Ты же говорил, у тебя с утра дела?

Ли Хуэй покосился на него:

— Ты дрых как сурок, фиг разбудишь. Как бы я ушёл?

— Да и уходил бы. Оставил бы меня дома, делов-то. У тебя тут... — Юньпин обернулся и через сетчатую дверь указал на выцветший мебельный гарнитур в стиле восьмидесятых. — Вряд ли тут найдётся что-то такое, что я захотел бы украсть.

— Ошибаешься. У меня в тумбочке сберегательная книжка лежит.

Договорив, Ли Хуэй сам рассмеялся своей шутке. Бывают такие люди: они могут быть

взрослыми или даже старыми, но в какой-то миг в них вдруг проступает мальчишеское озорство. Глядя на смеющееся лицо, Лу Юньпин внезапно вспомнил, что впервые заметил Ли Хуэя именно таким — с этой улыбкой и в такой же позе.

Тот день... Лу Юньпин прикинул: должно быть, было около пяти часов вечера. В это время он обычно выходил на балкон поджаривать гренки из маньтоу. Летом солнце палило нещадно. По заведённому обычаю он нарезал чёрствый хлеб тонкими ломтиками, ставил плоскую сковороду на угольную печь- «соты» и, разложив на ней кусочки, замирал у перил, погружаясь в свои мысли.

Тогда его отец уже уволился с Машиностроительного завода Хуанхэ, оформив отпуск без содержания, и подался с какой-то артелью на северо-восток перепродавать меха. Дома остались только Лу Юньпин с матерью. Он учился в третьем классе Средней школы Хуанхэ — как «заводской ребёнок» он не особо переживал из-за оценок и экзаменов. Главным его делом после уроков было следить за гренками.

Ожидание тянулось тоскливо. Квартира была на первом этаже, окна выходили прямо на улицу — мимо постоянно сновали знакомые. Закурить было нельзя: заметят, донесут матери, и тогда не миновать знакомства с её выбивалкой для пыли. Так что Лу Юньпину оставалось только скучать, облокотившись на перила.

— Эй, парень, — позвал его кто-то снаружи.

Балконы тогда ещё не стеклили наглухо — так, загородка в полкирпича. Застигнутый врасплох, Юньпин вздрогнул.

— Друг, дай прикурить от твоей печки?

Лицо парня показалось ему знакомым, но имени он не вспомнил. В семейном квартале Завода эмалированных изделий жили тысячи людей, всех в лицо не упомнишь.

Незнакомец по-хозяйски зашёл на балкон, отодвинул сковороду и, прикурив сигарету прямо от углей, кивнул Юньпину:

— Спасибо.

Лу Юньпин уставился на школьный значок у него на груди:

— Ты тоже из Хуанхэ?

Парень глянул вниз, усмехнулся и сорвал значок:

— Ой, чуть не забыл.

Юньпин хотел было спросить что-то ещё, но снаружи заливисто прозвенел велосипедный звонок. Кто-то крикнул:

— Сяо Хуэй!

От нечего делать Юньпин стал наблюдать за ними. Двое парней стояли под акацией у входа во двор. На лицо одного из них падали косые, пятнистые блики солнца. Он был в белой рубашке — полы длинноваты, хлопали на ветру, вторя его широкой улыбке. Парень затянулся сигаретой и на мгновение сунул её в рот приятелю.

Лу Юньпин попытался отыскать в памяти имя «Сяо Хуэй», но так ничего и не нашёл.

Таким был их первый раз. Лу Юньпину тогда было пятнадцать, Ли Хуэю — едва исполнилось шестнадцать.

После той встречи они стали кивать друг другу при встрече, а со временем и вовсе разговорились. Оказалось, их матери работают в одном цеху. Отец Ли Хуэя рано умер от гепатита, и завод в качестве опеки устроил парня в свою школу. Они учились в разных классах и на разных этажах, поэтому раньше только мелькали друг у друга перед глазами, но знакомы не были.

Ли Хуэй полюбил заходить к Лу Юньпину «на перекур». Мест для тайного курения было полно, но большинство парней, чтобы не тратить время, жались по туалетам. Тот же нашёл точку получше — коридор на пятом этаже административного корпуса. Там располагались только залы для педсоветов и методические кабинеты, жизнь в которых теплилась лишь по средам. В остальное время там было пусто и тихо, а на пятый, последний этаж, и вовсе никто не забредал. В конце коридора всегда валялись окурки — видимо, учителя сами здесь дымили во время планерок, что служило отличной маскировкой для пацанов.

Вскоре Лу Юньпин понял: Ли Хуэй — человек особенный. Совсем не такой, как все.

Например, у Ли Хуэя никогда не было с собой спичек. Юньпину приходилось таскать по два коробка, чтобы чувствовать себя уверенно, но стоило отдать один приятелю, как к следующему перекуру — пусть даже их разделял всего один урок — у того снова было пусто. Или другое: у него была уйма друзей, но курить он звал именно Лу Юньпина. Причём звал не сам: вечно прибежали девчонки с записочками. Одно время вся школа над Юньпином из-за этого потешалась. Но страннее всего были сигареты. Он почти никогда не видел у него целой пачки. Тот выуживал откуда-то мятые свертки, в которых оставалось три-пять штук, от силы — полпачки. И марки всегда были вперемешку: то «Даяньта», то, если дела совсем плохи, «Хуанцзинь» или дешёвый «Янцюнь». Чаще всего попадался «Цзиньсыхоу». Но однажды Лу Юньпин и вовсе выпал в осадок: в одном свёртке лежали сигареты четырёх разных марок.

Когда Юньпин спросил, в чём секрет, Ли Хуэй лишь рассмеялся, а когда тот начал допытываться, в шутку съездил ему кулаком по плечу:

— Да какая тебе разница? Есть что курить — и кури. Нечего зубы заговаривать.

Позже, когда все прознали, что девчонки бегают к Лу Юньпину по поручению Ли Хуэя, кое-кто стал советовать держаться от него подальше. Юньпин не понимал: «Это ещё почему?»

— Да ты что, не знаешь? — шептали ему. — Сяо Хуэй — парень лихой. От улицы Цзинькан до Цзиньхуа, и до самого Чанлэфан — весь восточный район под ним ходит. Он там личность заметная, «звезда», врагов — тьма. Не лезь ты в это болото.

Юньпин только фыркнул в ответ. Какая ещё «звезда»? Заливают, небось. Ли Хуэй выглядел таким худощавым и хрупким — на бандита он походил меньше всего. Во время очередного перекура Лу Юньпин принялся в упор рассматривать товарища. Тот и впрямь был худой, очень бледный, с тонкой шеей и узкими плечами. Когда Ли Хуэй не улыбался, он казался холодным и отрешённым, но стоило ему рассмеяться, как все черты оживали. А ещё он обожал просто посмотреть в окно и грезить наяву.

— Слышал я, ты на районе человек авторитетный.

Ли Хуэй вскинул брови:

— И что с того?

— Да ничего. Просто спросил. Говорят, ты в Восточном районе первый человек. Правда, что ли?

Ли Хуэй прыснул, закинул руку ему на шею и притянул к себе:

— Что, хочешь, чтобы старший брат тебе в каком-то деле подсобил?

— Да пошёл ты... Тоже мне, «брат» выискался.

Юньпин его ни капли не боялся. Ли Хуэй продолжал его обнимать, но он вдруг стал серьёзным:

— Ладно. Про «звезду» — это всё трёп. Но если что случится — говори мне сразу. Помогу чем смогу. Если хоть на полшага отступлю — значит, я последний слабак!

Тогда Лу Юньпин не принял эти слова всерьёз. Но очень скоро ему пришлось убедиться в их правдивости.

<http://bllate.org/book/17478/1692823>